

Страницы псковского краеведения

Н. Ф. Левин

Краеведы Милевские

В предыдущем номере журнала «Псков» было перепечатано из «Псковских губернских ведомостей» за 1841 год «Археографическое описание древностей города Пскова, сохранившихся по настоящее время». Это – самая первая краеведческая статья о Пскове, появившаяся в местной периодической печати. Её автора – священника Николая Федотовича Милевского можно считать первым псковским краеведом. Энциклопедии определяют краеведение как всестороннее изучение определённой части страны «местным населением, для которого эта территория считается родным краем»¹. По этому принципу более ранних авторов, публиковавших научные труды о Пскове (Н. Ильинского, Е. Болховитинова), следует называть не краеведами, а историками.

Краткие биографические сведения о Н. Ф. Милевском содержатся в клировых ведомостях псковской Ново-Вознесенской церкви, в которой он прослужил три десятилетия². К сожалению, в них тогда не указывали время и место рождения, отмечая лишь возраст. По ведомости за 1843 год ему исполнилось 42 года, в 1858 году – 57 лет, так что он родился в 1801 году. В том 1801 году его отца приняли в Псковскую духовную консисторию канцелярским служителем с чином подканцеляриста³. Таким образом, Псков был родным городом будущего краеведа Ни-

колая Милевского – старшего сына Федота Харитоновича и Екатерины Семёновны.

Федот Милевский с 12 лет был пономарём, затем «обучался в риторическом классе Псковской духовной семинарии преподаваемым в ней наукам: арифметике, географии, истории, поэзии, риторике, а сверх того немецкому и латинскому языкам». После двух лет работы в консистории он позаботился о лучшем содержании увеличившейся семьи, в которой родился второй сын, Фёдор, и в 1803 году был посвящён в дьяконы Успенской церкви Торопца – уездного города Псковской губернии. Через три года его перевели дьяконом в торопецкую Покрово-Николаевскую церковь. Это необычное, двойное название храм получил в связи с тем, что общий клир обслуживал не только приходскую Покровскую церковь с двумя приделами, но и церковь упразднённого Николаевского мужского монастыря, имевшего придел преподобного Сергия Радонежского. В Торопце у Милевских родились две дочки-погодки Параскева и Александра. По аттестации местного духовенства 12 июня 1809 года главу семейства произвели в священники того же двойного храма, а 30 октября определили и учителем Торопецкого приходского училища 1-го разряда.

Однако его служба священника не стала для семьи счастливой. За три года скончались обе дочери и сам батюшка. Екатери-

---

Левин Натан Феликсович - псковский краевед

на Семёновна с двумя сыновьями осталась без средств к существованию. Она согласилась уступить право на священническое место, которое по обычаю в будущем могло перейти к её сыновьям. Священником стал Петр Иванович Успенский, ранее служивший при той же церкви пономарём и дьячком, затем учившийся в семинарии и по выходе из неё преподававший в Великолуцком училище. В клировой ведомости Покрово-Николаевской церкви за 1812 год отмечено, что «*вдова, священническая жена Екатерина Семёнова получает на пропитание от той церкви священника 50 рублей*», а её сын «*Николай, прозванием Милевский, обучается в Торопецком приходском училище*»⁴.

Новый священник тяготился этой обязанностью и через два года прекратил платить деньги Милевской. Она обратилась в Псковскую духовную консисторию с прошением «*касательно понуждения Торопецкой Покрово-Никольской церкви священника Петра Успенского к выполнению условия, которым он обязался при поступлении во священника производить ей, просительнице, с детьми ея на пропитание по 50 рублей ежегодно*»⁵. В заседании 29 июля 1814 года консистория по просьбе Успенского решила освободить его от платежей «*на предбудущее время, с тем однако, чтоб он причитающиеся оной вдове Милевской по тому же обязательству за прошедшее время, но самовольно удержанные им 50 рублей отдал ей непременно и безотговорочно*». Архиепископ Ириней (Климентьевский) это решение утвердил.

Успенский не выплатил даже эту сумму, и 11 января 1815 года опять рассматривалась жалоба Милевской. Консистория просила нового архиепископа Мефодия 1-го (Смирнова) подтвердить прежнее решение, но он повелел «*решить дело сие по обязательству*». 27 января консистория предписала Торопецкому духовному правлению «*взыскать с священника Петра Успенского по обязательству его за всё прошедшее время сполна*» и сверх того взять с него подписку, «*чтоб он и впредь непременно и без малейшего задержания по тому обязательству удовлетворял просительницу в надлежащее*

время под опасением за послушание законного взыскания»⁶.

Но и на этом дело не кончилось. Торопецкое духовное правление доложило, что из ста рублей, причитавшихся попадье Милевской за прошедшее время, половина уже взыскана и отдана ей, «*об остальных же пятидесяти рублях он, Успенский, просит отсрочки*» и подал прошение об освобождении его на будущее время⁷.

В таких условиях жить в Торопце стало тяжело, и в начале 1816 года Милевские перебрались в Псков. Здесь их причислили к причту кладбищенской Дмитриевской церкви. В её клировой ведомости за тот год впервые указаны: «*Вдова, священническая жена Екатерина Семёнова, 35 лет, состоит на сиротском жаловании. Дети её Николай и Фёдор Федотовы обучаются во Псковском уездном училище, прозванием Милевские*». В следующие годы добавлялось: «*...из коих первый на казённом содержании полным, а второй на половинном*»⁸.

После учёбы в уездном училище Николай перевели в Псковскую духовную семинарию. Там его обучали «*наукам богословским, философским и словесным, церковной и гражданской историей, математике и языкам греческому, латинскому, французскому и еврейскому*»⁹. Семинарию он окончил с аттестатом студента 1-го разряда, дававшим право поступления в духовную академию, но не воспользовался им. 30 июля 1825 года Милевского назначили учителем во второй класс Порховского приходского училища, а 4 октября 1827 года переместили в Псковское духовное уездное училище. Здесь он преподавал латинский язык, пространственный катехизис и арифметику в низшем отделении училища, а в верхнем отделении целый год замещал болевшего учителя греческого языка, священной истории и географии.

Очевидно, вскоре Николай Федотович женился на 19-летней Александре Тимофеевне. Появилась возможность определиться на церковную службу. 3 мая 1829 года архиепископ Мефодий 2-й (Пишнячевский) рукоположил его в священники псковской церкви Покрова от Торга, и 21 января 1830 года Милевский уволился из училища. В том же

году родилась их старшая дочь Надежда. Во время эпидемии молодой священник с примерным усердием исполнял все духовные требы в холерном бараке, и по представлению губернатора А. Н. Пещурова архиепископ поощрил его правом ношения набедренника при богослужении.

10 февраля 1832 года епархиальное начальство поручило Милевскому преподавать Закон Божий в Псковском полубатальоне военных кантонистов, а 28 ноября перевело из Покровской в Ново-Вознесенскую церковь. Многолетняя служба в этом храме стала хотя и не единственным, но основным его занятием. Она была не простой, так как одновременно приходилось заботиться о благолепии трёх церквей, находящихся в центре города: с 1813 года к Ново-Вознесенской были приписаны Анастасиевская и Сергиевская церкви. Приписные храмы своего причта не имели, так что три церковнослужителя (священник, дьячок, заменённый в 1843 году по просьбе Милевского и прихожан дьяконом, и пономарь) вели богослужение также в церквях Анастасии Римлянки (с октября до Пасхи) и Сергия Радонежского (в храмовые праздники).

С 1 марта 1833 года император Николай I разрешил возобновить занятия в губернской мужской гимназии, закрытой им пятью годами ранее. Преподавателем Закона Божия (чаще называемым законоучителем) туда из школы кантонистов перевели священника Ново-Вознесенской церкви Милевского. Служба в гимназии продолжалась более двадцати лет. О его выступлениях на торжественных актах в гимназии «Псковские губернские ведомости» сообщали 30 ноября 1838 года и 25 декабря 1840 года. По представлению директоров гимназии попечитель Петербургского учебного округа циркулярами от 29 марта 1850 года, 29 сентября 1853 года и 22 апреля 1854 года объявлял Милевскому благодарность «за усердие по службе законоучителя, способность в преподавании и за успехи учащихся». Его уволили из гимназии по прошению 13 октября 1854 года и назначили пенсию 286 рублей в год за выслугу свыше 26 лет в учебных заведениях. «Псковский городской листок» 29 июня 1886

года в заметке «Из прошлого» отмечал, что один из просвещеннейших директоров гимназии Николай Иванович Иваницкий вручил Милевскому по случаю прекращения службы душевный адрес.

По совместительству Милевскому вновь довелось преподавать Закон Божий в полубатальоне военных кантонистов с 29 марта 1835 года. Директор военно-учебных заведений граф Клейнмихель 26 января 1840 года назначил ему за эту ревностную службу награду в 81 рубль серебром. Но 6 июля 1840 года «по умножившимся поручениям от епархиального и гражданского начальства» он уволился с этой работы.

И действительно, новых занятий у Милевского становилось всё больше. Ещё 3 ноября 1833 года его избрали в члены недавно открывшегося Псковского комитета Попечительного о тюрьмах общества. По представлению губернатора Пещурова император утвердил его в этом звании, а 19 мая 1834 года «за труды в пользу заключённых» выразил ему Всемиловитвейшее благоволение. В этом комитете, заботившемся о заключённых, Милевский состоял несколько десятилетий и был назван одним из его директоров-благодотворителей в «Памятной книжке Псковской губернии на 1856 год». Указом от 6 декабря 1836 года Духовная консистория назначила его депутатом от епархии по высшим присутственным местам, 3 марта 1837 года – цензором проповедей, читаемых священниками в храмах, 30 ноября – членом создававшегося в Пскове Губернского статистического комитета.

Всё это свидетельствовало о постоянно возрастающем авторитете сравнительно молодого священника и о его активном, деятельном характере. А включение в состав Губернского статистического комитета доказывает, что уже тогда он интересовался историей древнего Пскова. Этот интерес проявился после 18 января 1840 года, когда в управление губернией вступил генерал-майор Фёдор Фёдорович Бартоломей. Уже через два месяца, 20 марта, новый губернатор отметил в «Псковских губернских ведомостях», что за первые два года их существования в газете появилось «весьма немного ста-

тей, исторических и статистических обзоров», и призвал «всех благомыслящих и истинных ревнителей просвещения» принять участие в издании газеты, обещая не только печатать присылаемые статьи, но и изучать их на заседаниях Статистического комитета, а сочинителей избирать в его состав.

Первым из жителей Пскова на этот призыв откликнулся Николай Милевский. Получив 28 июня 1840 года согласие епархиального начальства, он взялся за изучение сохранившихся в городе старинных документов. По его просьбе игуменя Иоанно-Предтеченского монастыря разрешила скопировать жалованную грамоту царя Михаила Фёдоровича, составленную на основании прежних грамот, начиная от пожалованной Василием III в 1510 году. «Псковские губернские ведомости» опубликовали её с комментариями Милевского в двух номерах, 28 августа и 4 сентября 1840 года. Интересен не только текст грамоты, но и примечания Милевского о развалинах соседнего Ильинского женского монастыря и Немецкого гостиного двора, о выборке камня из мостовой Изборской улицы купцом Развозовым в 1825 году...

Далее Милевский работал в архиве Казённой палаты. 23 октября и 20 ноября 1840 года в газете появились его выписки из Псковской расходной книги 1632 года на выплату жалования стрельцам, казакам, пушкарям, воротникам Среднего и Окольного города, немецкому переводчику Индрику, часовому мастеру Кузьме Форобаеву... Они дают представление о числе воинов, находившихся тогда в разных частях псковской крепости. 2 января 1841 года была напечатана ещё одна выписка из той же расходной книги – о выдаче денег из государственной казны на продовольствие шведского посла Якова Руселя со свитой, следовавших из Москвы через Псков. На этот раз не указали, что новая выписка сделана Милевским. Без ссылки на него в четырёх номерах газеты, за 19, 30 декабря 1845 года, 2 и 9 января 1846 года, даны ещё более длинные выписки из этой книги 1632 года. К сожалению, так случалось довольно часто.

Публикуя 27 ноября 1840 года жалованную грамоту царя Дмитрия-самозванца Плесскому монастырю Пусторжевского уезда, Милевский указал, какие исторические, статистические и юридические сведения имеют особый интерес, и сообщил, что в XVI-XVII веках многие монастыри имели подобные грамоты, а их копии находились в псковской Приказной избе. При упразднении Екатериной II большинства монастырей эти копии переплели в книги и сдали в Казённую палату, где он их и изучал. (Отметим, что такой возможности у современных краеведов нет, поскольку Госархив Псковской области в фонде 58 Казённой палаты этих книг не имеет. По запросу из Москвы ещё до войны все старинные документы той эпохи перевезли в столицу. Так что публикации их Милевским очень ценны и в наши дни.)

Последний, 52-й номер «Псковских губернских ведомостей» за 1840 год поместил выявленный Милевским наказ Петра I старосте и целовальнику дворцовых крестьян Вороницкого уезда. Эти служивые лица подчинялись в Пскове Дворцовому приказу и должны были заботиться о доходах царского двора.

В том же номере за 25 декабря редакция газеты объявила «свою признательность и благодарность сотрудникам своим»: священнику Николаю Милевскому и ещё четырём авторам из других уездов. «Многие статьи, доставленные ими в нынешнем году и помещённые в Прибавлениях к Псковским губернским ведомостям, доказывают усердное стремление гг. сотрудников к пользам общества. Вероятно, большая часть природных жителей Псковской губернии, прочитав эти статьи в Ведомостях, от души радовались, что наконец нашлись сведущие люди, посвящающие свои труды и познания на исследование их родины. Весьма желательно бы было, чтоб ни один уголок нашей губернии не остался без верного и подробного статистического и топографического описания».

Продолжая поиск, изучение и подготовку к публикации старинных документов, Милевский одновременно составил «Археологическое описание древностей города

Пскова, сохранившихся по настоящее время». Эту первую в истории города краеведческую статью о Пскове местные «Губернские ведомости» в своих «Прибавлениях» (неофициальной части) поместили в №№ 2, 3 и 4 за 8, 15 и 22 января 1841 года, а затем, после трёхмесячного перерыва, в №№ 16 и 17 за 16 и 23 апреля. При этом только 8 января под заглавием первого отрывка редакция в скобках курсивом пометила: «(Сообщено Священ. Ник. Милевским)».

Очевидно, весь текст довольно сложной статьи Милевский сразу не подготовил и сдавал его частями. Более того, 23 апреля в конце последнего отрывка было обещано: «(Продолжение впереди)». Однако ни в следующих номерах газеты, ни даже в ближайшие три года продолжение статьи не печаталось. Создавалось впечатление, что статья осталась незавершённой и Милевский к этой теме больше не возвращался. И только сейчас, при подготовке этого очерка о Милевском, просматривая конспекты «Псковских губернских ведомостей» за ряд лет, удалось обнаружить ещё один, небольшой отрывок из этого его труда. Он появился лишь через четыре года, в № 18 неофициальной части газеты за 2 мая 1845 года, без указания автора, но почти под таким же, хотя и наполовину урезанным, заглавием: «Археографическое описание древностей г. Пскова».

В авторстве Милевского не приходится сомневаться. Вряд ли кто-либо другой стал бы пользоваться почти тем же заглавием статьи, да ещё анонимно. К тому же новая публикация является естественным продолжением прежней, обрывавшейся на подробном описании Старого Торга. В новом отрывке повествуется о стене Среднего города и воротах в ней, Новом Торге, Полонище... (его текст даётся в приложении к настоящему очерку). Конечно, и с учётом этого дополнения описание Милевским псковских древностей оставалось далеко не полным. В связи с этим хочется обратить внимание ещё на два безымянных исторических труда того времени. Начиная с 15 марта 1844 года «Псковские губернские ведомости» в трёх номерах под рубрикой «Археография» опубликовали большую статью «Древности Псковской

губернии», повествующую об истории Троицкого собора и о действовавших монастырях Пскова и губернии. Она могла бы стать существенным дополнением к работе Милевского. Нигде не назван и автор брошюры «Краткое указание на Псковские древности», отпечатанной на 45 страницах в 1849 году типографией Псковского губернского правления. Неизвестны другие историки и краеведы тех 1840 годов, кроме Милевского, перу которых могли принадлежать эти произведения. Но это – только предположение, и так категорически утверждать тоже нельзя.

Что касается статьи Милевского «Археографическое описание древностей...», то она содержит немало интересных исторических фактов. В ней, к примеру, сообщается о перестройке Смердьей башни после 1615 года, о постройках в Кремле возле Благовещенского собора, о каморах у западной стены Довмонта города, о засыпке в 1818 году по инициативе губернатора Адеркаса болота у Торговой площади напротив гауптвахты, о месте исчезнувшей церкви святого евангелиста Луки у входа в Гостиный двор через Железные ряды...

Н. Ф. Милевского нельзя винить в том, что расположение и даже смысл некоторых микротопонимов старого Пскова (Перси, Гребля, Смердья башня, кремлёвский захаб, палаты архиепископа Макария...) он определил неточно. Поэтому нашу публикацию его статьи, перепечатанной в № 19 журнала «Псков», пришлось сопроводить уточняющими примечаниями. Нетрудно установить, что он пользовался в этом отношении монографией митрополита Евгения Болховитинова «История княжества Псковского»¹⁰, который тоже не разобрался в этих понятиях. Иногда Милевский не соглашался с Болховитиновым, который, к примеру, отождествлял Греблю с Нижними решётками. Но и предположение Милевского, что Греблей в старину называли переправу через Пскову, тоже оказалось ошибочным. Даже эти неточности представляют интерес для современных исследователей, поскольку показывают, на каком первоначальном этапе находилось тогда изучение истории Пскова.

Печатаемая «Археографическое описание древностей...», газета продолжала публиковать и результаты изысканий Милевского, теперь уже в архиве Губернского правления. Там интересных документов оказалось так много, что 8 января 1841 года, сразу после первого отрывка этой статьи, следовало краткое описание 26 свитков времён царствования Михаила Фёдоровича. Один из царских указов от 31 декабря 7131 (1623) года обязывал псковских обывателей бесплатно вести городское и крепостное строительство, другой (от 2 ноября 7132 года) разрешал беспоплатный провоз через мост на Великой леса для постройки дворов псковским стрельцам...

И в дальнейшем длинные списки старинных свитков, выявленных Милевским, печатались в «Губернских ведомостях» 14 и 21 мая (46 свитков), 4 июня (42 свитка), 2 июля (35 свитков), 8 октября (39 свитков)... Это не мешало в том же 1841 году публиковать и полные тексты отдельных, наиболее интересных документов. Среди них немало свидетельств того, что псковская крепость по-прежнему оставалась важным пунктом обороны на северо-западе. К примеру, в напечатанном 29 января царском указе от 3 декабря 1634 года излагались меры предосторожности на случай нападения литовцев. Несколько указов предписывали отправить в Псков порох и свинец... Во многих указах говорилось о проезде через Псков иноземных дипломатов из Англии, Швеции, Голландии... Перечисление всех опубликованных Милевским в 1841 году документов заняло бы слишком много места.

10 марта следующего, 1842 года Милевского утвердили членом Псковской духовной консистории. Туда для решения возникавших в епархии вопросов назначались 5-7 авторитетных, пользовавшихся уважением священников. Для привлечения благотворителей к ремонту приписной церкви он подготовил большую статью «О храме святой великомученицы Анастасии», напечатанную 8 апреля 1842 года. Как и другие его публикации, она написана возвышенным и задушевным слогом. Ему же, очевидно, принадлежит и сообщение «Об освящении храма св.

великомученицы Анастасии в Пскове» от 5 июля 1844 года.

Заслуги Милевского не оставались без поощрения. 16 мая 1842 года по представлению епархиального начальства и Святейшего Синода он Всемилоостивейше удостоился права ношения фиолетовой бархатной камиллавки. (Ранее, 14 мая 1838 года, его наградили подобной скуфьей.) А 23 мая 1844 года «в уважение его примерного усердия и честности, с которыми он проходил как многотрудную должность присутствующего в Консистории, так и другие послушания», архиепископ Нафанаил (Павловский) произвёл Николая Милевского в протоиереи (старшие священники).

25 июля 1845 года были напечатаны не копии царских указов, а, как сказали бы сейчас, уголовная хроника: частные челобитные ограбленных и обворованных в 1671 году. По мнению Милевского, высказанному в комментариях, они давали представление о домашнем богатстве псковичей и их одежде. С обобранного зимней ночью посадского жителя, возвращавшегося из гостей, сняли не только верхний синий, но и исподний тёплый кумачовый кафтан (т. е. его одежда была и тёплой и яркой). У писца съезжей избы на службе украли отделанную куницею красную шапку, у которой под исподом была тулётка тоже из красного сукна. Украденные у подьячего овчинные рукавицы с бобровым пухом были покрыты червлёным сукном.

Милевский с некоторой завистью отметил, что челобитные, поданные священниками, свидетельствовали о зажиточной и даже богатой жизни тогдашнего псковского духовенства. Среди многих вещей, украденных у священника церкви Николы с Гребли, названы три шапки женские с пухом бобровым и шапка мужская с куницею. У священника Варлаамской с площади церкви из дома унесли много ювелирных изделий и шапку суконную червлёную камскую. Эту публикацию древних рукописей Милевский начал такими словами: «Почтенна старина: драгоценны её памятники и особенно письменные, глубоко погребённые в архивах. Извлечённые оттуда рукою археолога, они проливают яркий свет на минувший быт наших предков».

Интересные старинные документы появились на страницах «Псковских губернских ведомостей» в №№ 2, 5, 41, 46-49 за 1849 год, но опять без указания, кто их выявил и подготовил к печати.

Из «Памятных книжек Псковской губернии» 1850-х годов видно, что священник Николай Милевский продолжал состоять неперменным членом Губернского статистического комитета. В 1860 году император Александр II Всемиловейше пожаловал ему бронзовый крест на Владимирской ленте. В связи с утверждением нового Положения о Статистических комитетах, Духовная консистория указом от 3 марта 1861 года подтвердила его полномочия. Через год, 22 марта, Комитет создал несколько отделений, и Милевского включили в отдел по собиранию обязательных для Комитета сведений. Вскоре, на заседании 16 мая, учитывая, что «*протоиерей Милевский занимается археологическими изысканиями по древностям города Пскова*», Статистический комитет присвоил ему звание своего действительного члена, то есть нужного ему за полезные дела, а не по назначению консистории.

На общем заседании 10 ноября 1862 года Милевский представил Комитету план г. Пскова 1782 года со своими пояснениями. (Вероятно, речь идёт об известном «Плане губернского города Пскова с посёлёнными при нём слободами», хранящемся в ЦГАДА среди бумаг Генерального межевания губернии. Год составления его в современных исследованиях до сих пор не приводился¹¹). На том же заседании составили авторитетную комиссию (губернский предводитель дворянства Н. С. Волков, вице-губернатор Н. В. Родзянко, протоиерей Н. Ф. Милевский, преподаватель Духовной семинарии М. С. Князев и учитель гимназии М. В. Фурсов) для подробного рассмотрения полученных Комитетом статей и подготовки их к напечатанию в неофициальной части «Губернских ведомостей». (Вскоре эти статьи стали публиковаться.)

Кроме того, тогда же было решено: «*Действительного члена Комитета протоиерея Милевского, как знакомого с летописями и архивами, просить извлечь из них данные о промышленности и благосостоянии*

местных жителей в прежние времена»¹². Результаты выполнения этого задания видны из публикаций в «Псковских губернских ведомостях». 17 апреля 1864 года там появилась статья «Некоторые намёки на экономические условия, при которых жили здесь 200 лет назад», основанная на хранившейся в архиве Псковской казённой палаты толстой (в 524 листа) рукописной книге 1659 года о расходовании денег при воеводе Иване Андреевиче Хованском. По ней можно было судить о заработках того времени.

К сожалению, газета опять не указала автора статьи, хотя не приходится сомневаться, что им был Милевский. Более того, в следующем номере тот же автор в статье «Ошибка г. Костомарова», ссылаясь на расходную книгу 1659 года, доказывал, что в только что вышедшей книге «Северно-русские народоправства» ошибочно утверждение об исчезновении пригородов Вышгород и Кобылье ещё до ликвидации независимости Пскова. Столь же безымянны «Материалы для истории распространения грамотности в Псковской губернии», извлечённые из журнала Псковского наместнического правления 1781 года (напечатаны газетой 15 мая), статья о суевериях «Поклонение сосне», составленная по архивному делу Губернского правления 1783 года (напечатана 19 июня 1864 года)...

Однако многого Милевский сделать не успел. Известный дореволюционный краевед К. Г. Евлентьев в «Указателе вещественных памятников древности и старины церковной и гражданской в губернском городе Пскове»¹³ среди достойных памяти людей, покоящихся на Дмитриевском кладбище, назвал и протоиерея Милевского и высказал пожелание, чтобы их биографии были составлены. Оно осуществляется только сейчас, ровно через 130 лет. Благодаря описаниям кладбища, составленным местным отделением Общества охраны памятников истории и культуры при содействии энтузиастов и студентов пединститута, обнаружен надгробный памятник, лежащий на могиле лицевой стороной вверх. На нём чётко читается: «*Протоиерей Николай Федотович Милевский. Сконч. 24 августа 1865 г.*». Дело чести псковичей – поставить и укрепить этот мраморный надгробный камень.

* * *

Через два года после старшей дочери Надежды у Николая Федотовича и Александры Тимофеевны родилась Елена, а ещё через три года, в 1836 году, появился на свет долгожданный сын. Ему при крещении дали довольно редкое, но имеющееся в православных святцах имя Орест. В переводе с греческого оно означает «горный». Так как отец преподавал в Псковской мужской гимназии, Орест учился в ней на казённый счёт. В «Исторической записке пятидесятилетия Губернской мужской гимназии...»¹⁴ Орест Милевский назван среди 10 гимназистов 16-го выпуска, окончивших её в 1853 году. Высшее образование он получил тоже на «казённом иждивении» в столичном Главном педагогическом институте по историческому отделению с правом на звание старшего учителя гимназии и обязанностью прослужить в учебных заведениях Министерства народного просвещения не менее восьми лет. 22 августа 1857 года его определили учителем русской словесности Олонецкой мужской гимназии, выплатив подьёмные в размере годового оклада и двойные прогоны до Петрозаводска.

Через год по совместительству его назначили и библиотекарем гимназии, а с 29 января 1860 года пригласили осуществлять цензуру неофициальной части «Олонецких губернских ведомостей». Сверх своего предмета ему доводилось временно замещать учителей латинского языка и истории. С сентября 1861 года он давал уроки всеобщей истории и в Петрозаводской Мариинской женской гимназии, и в марте следующего года «за усердные труды эти» Императрица Мария Александровна, как Высочайшая покровительница всех таких гимназий, названных её именем, выразила ему благодарность.

В Петрозаводске Орест Николаевич проработал пять лет. 6 октября 1862 года Петербургский учебный округ перевёл его на освободившееся место старшего учителя истории родной Псковской губернской мужской гимназии. Уже 1 ноября Педагогический совет гимназии избрал его своим секретарём. С того же дня он стал преподавать русскую историю и в Псковском Мариинском женском училище 1-го разряда (будущей гимна-

зии), а с января 1865 года – и всеобщую историю. С ноября 1864 года он согласился помогать начальнице училища вести приходорасходные денежные книги, в феврале 1867 года ему вместе с классными дамами поручили «проверить библиотеку училища, чтобы очистить её от вредных и бесполезных книг»¹⁵, 17 августа 1867 года избрали делопроизводителем Попечительного совета училища.

Однако вскоре Орест Милевский попросил перевести его в открывавшуюся в Риге русскую Александровскую мужскую гимназию, и 15 января 1868 года попечитель Дерптского учебного округа назначил его туда учителем истории и географии. Ему шёл уже 32-й год, и прежде чем уехать из Пскова, он сочетался первым браком с 17-летней Ольгой Поповой, дочерью секретаря местной духовной консистории надворного советника Ивана Андреевича Попова. Невеста 23 августа 1863 года поступила в III класс того же Мариинского училища, где преподавал её будущий муж, и 21 ноября 1867 года, за два месяца до замужества, выбыла из VI класса¹⁶. Венчание состоялось 26 января 1868 года в псковоградской Анастасиевской церкви. Поручительницей по невесте была её мать Александра Антоновна.

Сразу по приезде в Ригу на него с 6 февраля возложили и обязанности библиотекаря гимназии. В июне 1869 года его назначили также одним из воспитателей гимназистов (через два года воспитателей переименовали в классных наставников). С октября 1872 года ему поручили ещё и преподавание латинского языка в шестом классе, через год включили в состав строительного комитета по сооружению здания гимназии и за долголетнюю службу назначили высший оклад 1250 рублей в год за 12 недельных уроков с доплатой за уроки сверх этой нормы. С 1 января 1880 года основную годовую плату увеличили на 250 рублей. Это было совсем не лишним для его быстро растущей семьи. За первые 11 лет жизни в Риге у супругов Милевских родились шестеро детей: Александра 25.08.1870, Николай 25.07.1872, Ольга 14.11.1873, Вера 19.08.1875, Владимир 03.12.1876 и Надежда 26.04.1878. Всех их крестили в рижском Александро-Невском православном храме.

Через полгода после приезда в Ригу, с 17 сентября 1868 года Милевского пригласили преподавать историю и географию и в рижской женской Ломоносовской гимназии, а с апреля 1876 года он стал также делопроизводителем Попечительного совета этой гимназии. 21-22 августа 1882 года обе гимназии широко и торжественно отметили 25-летие педагогической деятельности Ореста Николаевича. Через шесть дней «Псковский городской листок» подробно рассказал, как чувствовали в Риге нашего земляка. С этого времени ему стали выплачивать 750 рублей ежегодной пенсии за выслугу лет. Ему присвоили почётное звание заслуженного преподавателя, а через пять лет увеличили пенсию на 150 рублей в год. 31 октября 1887 года министр народного просвещения разрешил Милевскому продолжать службу ещё на пять лет.

Загруженность служебными обязанностями не помешала ему готовить публикации на исторические темы. «Рижский вестник» в 1877 году напечатал его «Обозрение царствования Императора Александра I», в 1886 году – статью «Подвиг русского отряда под Ригию 9 июля 1701 года», в 1888 году – «Обзор истории православия в Прибалтийском крае». Для изучавших географию он издал «Репетиционные карты частей света и государств Европы в отдельности» (Рига, 1891 г.). Он составил обстоятельный исторический очерк «Двадцатипятилетие рижской Александровской гимназии», изданный к этому юбилею солидной книгой в полторы сотни страниц (Рига, 1893 г.). Не исключено, что у него были и другие краеведческие работы, касавшиеся Прибалтики, которых мы не знаем. Таким образом, как и отца, Ореста Милевского тоже можно считать краеведом, но рижским.

Для псковичей важной исторической заслугой Ореста Милевского стали его переводы на русский язык дневников походов Батория на Россию. В Пскове эта тема всегда была актуальной и любимой. Ещё в 1847 году профессор Московского университета Осип Максимович Бодянский в «Чтениях Московского общества истории и древностей» (книга 7-я) издал рукописную «Повесть

о приходе Литовского короля Степана на великий и славный град Псков». Её создал современник событий псковский изограф (иконописец) Василий. Очевидно, в XVII веке псковичи дополнили «Повесть» сказанием о «видении» Богородицы слепым кузнецом Дорофеем. Эту более позднюю редакцию подготовил к изданию краевед Иван Иванович Василёв и в 1876-77 годах напечатали «Псковские губернские ведомости».

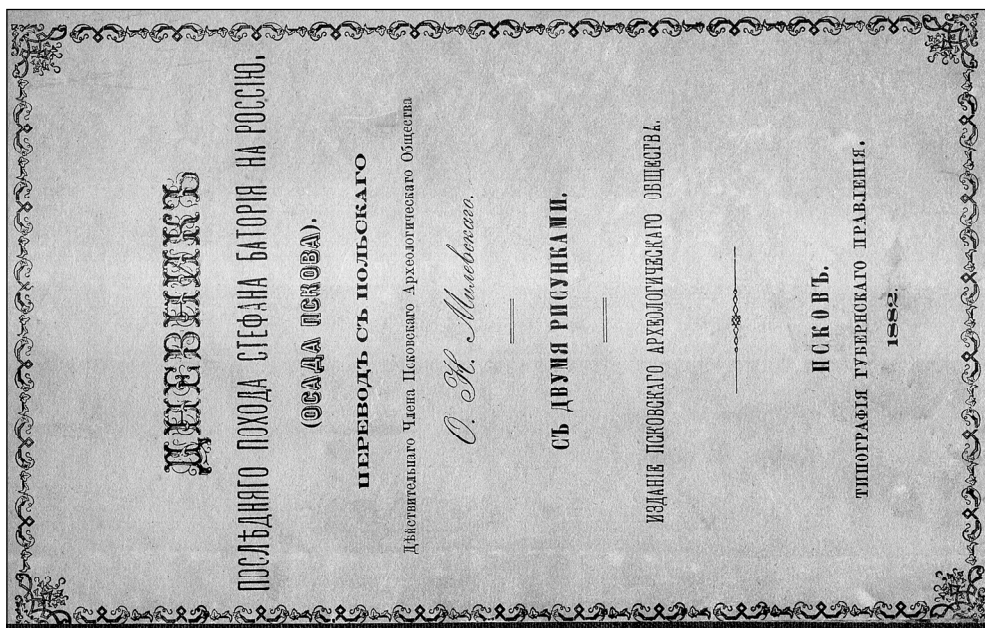
В 1867 году профессор Петербургской духовной академии Михаил Иосифович Коялович по поручению Императорской Академии наук опубликовал сборник под названием «Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (осада Пскова) и дипломатическая переписка того времени, относящаяся главным образом к заключению мира (1581-1582 гг.)». Солидный том в 836 страниц открывается польским текстом писем секретаря королевской канцелярии ксендза Пиотровского к маршалу Андрею Опалинскому (они и считаются Дневником похода). Основную часть сборника (538 страниц) составили 309 документов на польском и латинском языках. В конце книги дано очень краткое изложение писем и документов на русском языке.

Через семь лет по просьбе секретаря Археологической комиссии при Губернском статистическом комитете Константина Григорьевича Евлентьева адъютант Губернского воинского начальника Лев Михайлович Гуляев перевёл на русский отрывки из «Дневника», непосредственно относившиеся к военным действиям под Островом и Псковом. С 7 сентября 1874 года по 18 декабря 1876 года этот перевод маленькими кусочками был напечатан в 37 номерах «Псковских губернских ведомостей».

В преддверии предстоявшего 300-летнего юбилея начала осады Пскова войсками Батория Орест Милевский взялся за большой труд по переводу полного текста «Дневника» ксендза Пиотровского. Перевод заранее был доставлен в Псков. 8 сентября 1881 года на торжественном заседании Псковское археологическое общество решило его издать. Воодушевлённый таким решением, Орест Николаевич подготовил обширное

Памятник на могиле Н. Ф. Милевского
на Дмитриевском кладбище

Обложка книги О. Н. Милевского

предисловие к своему переводу. Оно датировано «Рига, 15 декабря 1881 года» и в книжном варианте заняло 16 страниц. В нём подчёркивалось значение этого памятника истории: *«Писанный очевидцем, дневник в живых сценах изображает весь ход осады, знакомит с характерными чертами польского военного быта и служит лучшим пояснением и вместе подтверждением верности фактов, сообщённых современным осаде русским сказанием «Повести о приходе-нии...».*

Далее Милевский подчеркнул, что Дневник *«снимает с памяти Грозного обвинение, так красноречиво высказанное Карамзиным, который винит Иоанна в трусости, в том, что он, имея 300000 войска, не двинулся на выручку Пскова».* Ясно, что в открытом бою русское войско неминуемо потерпело бы поражение. Чтобы облегчить понимание изложенного в Дневнике, Милевский посвятил основную часть предисловия изложению событий, предшествовавших третьему походу Батория на Россию.

Почти сразу, с 16 января 1882 года, подряд в 22 номерах «Псковские губернские ведомости» поместили на своих страницах перевод Милевского, завершив печатание 19 июня. Затем с готового набора типография Губернского правления очень быстро выпустила его отдельной книгой, указав на обложке: «Издание Псковского археологического общества». 4 сентября в «Псковском городском листке» появилась одобрительная рецензия: *«Труд этот заслуживает полного внимания по тем трудностям, которые нужно было преодолеть при передаче старо-польской речи на современный нам русский язык. Многие слова и обороты речи вышли из употребления; много встречается известий, объяснимых только при хорошем знакомстве с описываемыми событиями... И нужно отдать справедливость переводчику: все трудности филологические и исторические им были обойдены. Дневник читается легко и понятно».*

Кроме предисловия и 260 страниц Дневника, Милевский дополнил книгу двумя небольшими приложениями: переводом с немецкого «Рассказа о приступе 8 сентября», из-

влечённого из книги Рейнгольда Гейденштейна «Записки о московской войне (1578-1582)» и переводом с латинского «Распоряжений на случай приступа и краткого о нём отчета» из книги Кояловича.

Для лучшего понимания происшедших событий в книгу сделаны две вклейки на плотной бумаге: 1) «План местности Пскова», в левый нижний угол которого врезан «План псковской крепости» и 2) «Вид Пскова во время осады города Стефаном Баторием, снят со старинной иконы, хранящейся в часовне Владычного Креста (близ Пскова)». В предисловии О. Н. Милевский отметил, что они *«изготовлены для этой книги известным знатоком псковской старины И. И. Василёвым, который вообще принимал в издании настоящего труда самое живое и деятельное участие».* Под обеими иллюстрациями мелким шрифтом указано, что они отпечатаны в Риге, разрешены там цензурой 26 февраля 1882 года (то есть после начала публикации текста в газете, когда решили издать и отдельную книгу), а их автором является Василёв. Любопытно, что эти иллюстрации Н.Ф.Окулич-Казарин приложил к «Спутнику по древнему Пскову», но не отметил, откуда они взяты и кто их автор.

Уже во время печатания перевода Дневника в газете Псковское археологическое общество (ПАО) на годичном общем собрании 28 февраля 1882 года избрало Милевского своим действительным членом.

Изданная ПАО книга на многие годы стала важным источником для изучения героической обороны Пскова от войск Батория. К сожалению, за прошедшие с тех пор 120 лет она не переиздавалась. Почти недоступна массовому читателю и другая переводная книга Милевского. В 1887 году польский историк Игнатий Полковский выпустил в Кракове сборник исторических актов, целиком посвящённых царствованию Батория. Орест Милевский взялся за перевод с латыни вошедших в него дневников Яна Зборовского и Луки Дзялынського, участвовавших в баториевом походе 1580 года на Россию. Судя по концовке предисловия, Милевский завершил эту работу в Риге в августе 1896 года. В следующем году его

небольшую книгу в 68 страниц Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете отпечатало в университетской типографии под названием «Дневники второго похода Стефана Батория на Россию (1580 г.)».

Чтобы название стало понятнее, напомним, что первым был поход 1579 года, во время которого Баторий штурмом взял Полоцк. За 1580 год его войска захватили крепости Велижа, Усвят, Великих Лук... И только третий поход, 1581 года, стал последним благодаря героической и умелой обороне Псковской крепости. Таким образом, для истории нашего края большой интерес представляет и перевод Милевским дневников того второго похода на Россию. Новую книгу сразу заметили и высоко оценили в Пскове. Уже 15 марта 1897 года «Псковские епархиальные ведомости» поместили о ней библиографическую заметку. В ней, кстати, привели приятные для великолуччан слова из книги о том, что, по оценке поляков, Великие Луки тогда были *«гораздо больше, чем Вильна»*.

Выпустив новую книгу, автор не забыл о псковичах. В журнале заседания ПАО от 29 октября 1899 года отмечено, что член-сотрудник Общества О. Н. Милевский преподнёс в дар сто экземпляров своего перевода материалов о втором походе короля Стефана Батория на Россию. Одновременно он попросил копию Сборного плана Пскова, составленного Ушаковым и находящегося в

музее Общества. (Это свидетельствовало о продолжавшемся интересе Милевского к истории и древностям Пскова.) Поскольку план Ушакова был не печатным, а рисованным, ПАО решило заказать для Милевского копию плана за счёт Общества.

Сейчас Псковская областная типография готовится переиздать наиболее известный Дневник последнего похода Батория. Очень хочется надеяться, что одновременно под общей обложкой появятся и Дневники предыдущего похода в переводах нашего земляка Ореста Милевского.

Преподавание в учебных заведениях МНП давало педагогам не только приличный заработок. На них распространялись положения о награждении чиновников орденами и Табель о рангах. К 1876 году Орест Николаевич дослужился до чина статского советника, дававшего право на личное дворянство, но не воспользовался им. Пожалованный через десять лет орден Святого равноапостольного князя Владимира 4-й степени позволял всему семейству записаться в потомственные дворяне. Это было важно для подрастающих детей. Прощение от 12 марта 1890 года Милевский предпочёл подать в Псковское дворянское депутатское собрание¹⁷. Решение о внесении в третью часть родословной книги дворян Псковской губернии было принято 25 мая и утверждено указом Правительствующего Сената от 17 октября 1890 года. Так Милевские стали псковскими дворянами.

Приложение

Археологическое описание древностей г. Пскова

Каждый город, как бы кратковременно ни было его существование, имеет свою, хотя и короткую, историю. Самое заложение, необходимость его, возрастание, промышленность, торговля – составляют уже исторические факты его жизни. Конечно, подобные города не говорят нам о веках минувших, не представляют ни памятников бедствия, ни свидетелей славы народа: зато, как наша новая столица, они являются представителями новой жизни, пробуждённой деятельности Русского народа, – это памятники царствования Петра, Екатерины, Александра Благословенного, свидетели наших дней.

Не такова память Пскова. Его история почти современна истории Русского народа. Сколько поколений пережило в его стенах, молилось в его многочисленных и богатых церквях, которые нам кажутся теперь тяжёлыми и неуклюжими. Стены сохранились до сих пор и ещё долго будут напоминать о страшных и беспокойных, но теперь мирных соседях. Пролом в южной части большой стены – живой памятник доблести Псковичей в борьбе с Баторием, между тем как противоположная часть этой же стены покрыта славою храброго сопротивления не знавшим преграды во всей земле Немецкой сподвиж-

никам Густава Адольфа. Только Средняя стена исчезла, за исключением очень незначительных остатков в юго-западной части города, где она примыкает к р. Великой, и в северной, возле р. Псковы.

Но и здесь, может быть, через несколько десятков лет самый зоркий глаз археолога не отыщет и малейших следов этой стены, удержавшей сокрушительный напор Батория, когда он в 1581-м году, сделав пролом в большой стене, ворвался в город. Тут, за Средней стеной, Псковичи под предводительством воинственного наместника своего князя Ивана Петровича Шуйского, ободряемые прискакавшими на своих конях монахами Арсением Хвостовым, Ионой Наумовым и игуменом Мортием, остановили напор Поляков и Венгерцев, – и Баторий, несмотря на все усилия овладеть городом, простояв под стенами его 200 дней, должен был отступить с чрезвычайной потерей. – С тех пор часть города получила название Полонища¹⁸, – название, которое, переходя от одного поколения к другому, будет вечною памятью и ужаса Псковичей в те дни, и храбрости их, и, наконец, счастливого избавления Пскова от столь грозного врага.

Время построения этой Средней стены неизвестно. Псковский Летописец впервые упоминает об ней под 1309¹⁹ и 1330 годами, определеннее же он говорит об этом под 1399, 1450 и 1453 г., где называет двое ворот, которые были в этой стене – *Трупеховы* и *Лужская*. Первые, по сказаниям наших старожилов, находились в том месте, где теперь Садовая улица пересекается с Сергиевскою, называвшеюся в старину Трупеховой улицей. Сюда Средняя стена шла от Великой р., где она смыкалась с сохранившеюся ещё по всему берегу большою стеною, посредством башни, существующей и до сих пор, через сад Псковской Духовной семинарии и двор Пожарного депо, где ещё видны ее остатки.

Лучше всего они сохранились возле самой башни, вдоль по Садовой улице. Здесь, не доходя до Трупеховых ворот, примыкала к ней церковь св. Василия Великого. При ней на возвышении, часть которого и теперь видна, была башня с набатным колоколом, взывавшим Псковичей к обороне в случае нападения неприятеля. Церковь эта, сохранившаяся в целости, теперь упразднена и стоит на упомянутом возвышении против Губернаторского сада.

От Трупеховых ворот стена шла на Север через места, занятые теперь обывательскими домами, и имела другие ворота *Лужская*, как полагать надобно, либо на *Враговской* улице, теперь Архангельская (она идёт от площади к Полубаталиону военных кантонистов), либо на *Покровской*²⁰. Против этих ворот в 1509 году был *Новый торг*, теперь не существующий и застроенный обывательскими домами. Памятником его существования остались: церковь *Покрова* Пресвятыя Богородицы, называемая *от торга*, *Святого Николая Чудотворца Явленного* (Митр. Евгений) и вымощенная крупным камнем улица (в третьем году вновь перемощённая), ведущая от этой церкви до Петровских ворот. Ширина этой улицы в тогдешнее время была в 2 ж саж., как можно было заключить по мостовой и сохранившимся в некоторых местах фундаментам зданий, которыми она была обстроена. По обеим сторонам ее были две каменные церкви: св. *Иоанна Милостивого* и *Григория Богослова*, остатки которых и ещё видны в садах здешних жителей.

Ворота *Трупеховы* существовали до 1800 года, когда при новой планировке улиц *Средняя стена* разрушена и на месте ее построены жителями дома. Северо-восточный конец находится в незначительных развалинах в садах, лежащих между Покровской улицей и р. Псковой.

Примечания

1. БСЭ, 3-е издание, т. 13. С.311.
2. ГАПО, ф.39, оп.1, д.1166, л.74; д.1178, л.84.
3. ГАПО, ф.39, оп.1, д.1260, л.9; д.1261, л.9; д.1262, л.37; д.1265, л.109.
4. ГАПО, ф.39, оп.1, д.1266, л.107.
5. ГАПО, ф.39, оп.1, д.186, л.20.
6. Там же, л.77-78.
7. Там же, д.404.
8. ГАПО, ф.39, оп.1, д.1131, л.13; д.1132, л.13; д.1135, л.15.
9. ГАПО, ф.39, оп.2, д.1166, л.74-77.
10. *Митрополит Евгений (Болховитинов)*. История княжества Псковского, ч.1. С.15-17.
11. *Лабутина И. К.* Историческая топография Пскова в XIV-XV вв. М., 1985. С.11.
12. Сведения о деятельности Губернского статистического комитета извлечены из приложений к «Псковским губернским ведомостям» за 1862 год №№ 1, 14, 23, 48.
13. Псковские губернские ведомости. 1873, № 49, с.422.
14. *Говорливый П. А.* Историческая записка пятидесятилетия Псковской губернской гимназии... СПб., 1884. С.100.
15. ГАПО, ф.20, оп.1, д.1986, лл.58, 62, 64, 75, 76.
16. ГАПО, ф.7, оп.1, д.4, л.37.
17. ГАПО, ф.110, оп.1, д.588.
18. Летописи свидетельствуют, что микропоним «Полонище» появился намного раньше, не позднее XIV века, т. е. не связан с осадой 1581 года. Войска Батория через пролом в стене Окольного города не дошли до Средней стены крепости.
19. Многие дореволюционные исследователи не отличали стену посадника Бориса 1309 года от более поздней – Средней стены.
20. Первое предположение Милевского о месте Лужских ворот оказалось правильным. Древняя Петровская улица стала называться Покровской только после постройки церкви Покрова от Торгу, т. е. не ранее 1522 года. Позднее её чаще называли Новгородской, а с 1923 года – ул. К. Маркса. Давно исчезнувшую башню на этой улице в Средней стене, как и в стене Окольного города, именовали Петровской.